

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Орган Комитета по делам искусств при СНК СССР, Комитета по делам кинематографии
при СНК СССР и Комитета по делам архитектуры при СНК СССР.

Год издания XVI

№ 21 (953)

ПЯТНИЦА

25

М А Я

1945 года

Цена 45 коп.

I.

В мировой драматургии трудно сказать пьесу, равную по оригинальности «Чайке» Чехова. Драматическую форму Чехов избрал для выражения средствами искусства мыслей об искусстве, о художнике, о трудностях его жизни, об условиях его успеха и неуспеха, признания и непризнания.

Однако это — не эстетический трактат, облаченный во внешнюю форму драмы. «Чайка» — настоящая драма, великое произведение реалистического искусства. Действующие лица «Чайки» появляются на сцене и уходят не для того, чтобы занять различные точки зрения на искусство, на творческий и жизненный путь художника и не для того только, чтобы из столкновения их точек зрения вытекало темное, отстоявшееся самим автором пьесы.

Задачи эстетичности, поставленные Чеховым в «Чайке», не выделены резко из круга других задач, определяющих сложную, необычайно богатую драматургическую ткань пьесы. Размышления о путях искусства и о судьбах художника неразрочно сплетены с изображением личной драмы действующих в пьесе лиц, конфликтов и противоположений любви, условий и противоречий общественного круга, к которому принадлежат или к которому тянутся персонажи пьесы.

Вот Тригорин, Треплев, Дорн — глашатаи эстетических исканий, запросов, требований и убеждений. Но все они вместе с тем и даже прежде всего — участники борьбы чувств, страстей. Все они любили и любят, увлекаются, ревнуют, ненавидят. Сама судьба их чувств и страстей определяется не только их личными свойствами и случайностями жизненных ситуаций. На всех них лежит печать времени и их общественного круга. Драма Треплева — не только драма новатора, бросающего вызов художественной рутине. Это — драма новатора, у которого торжествующая рутинизм, не почита и осмеивая его произведения, похищает и отнимает вместе с признанием и славой любимую девушку, склонившуюся на сторону человека признанного, обладающего всеобщим признанием, не столь требовательного в своих запросах и исканиях. Это — драма новатора, который по характеру и направлению своему мог бы добиться успеха только в обществе «людей с положением». Само новаторство Треплева — не безусловное качество, для торжества которого достаточно было бы устранить стоящие на его пути препятствия. В осмысленной, неповторимой пьесе Треплева умный и даровитый Дорн почувствовал, несмотря на всю ее необычайность и отдаленность, талант, свежесть, а в повести и рассказах Треплева — волнующие яркие краски. Но тот же Дорн замечает, что для искусства недостаточна одна лишь способность производить впечатление: необходима постановка больших, серьезных задач.

Так же сложны образы Тригорина и остальных персонажей пьесы. Но сложность идейного наполнения пьесы — не единственная ее сложность. Нежнейшие лирические штрихи положены в ней рядом с характерной для Чехова иронией, не допускающей никаких иллюзий, никакого «возмущающего обмана».

Пьеса такого драматургического построения представляет величайшие трудности для театра.

II.

Самым облегченным, но и самым сложным способом преодоления этих трудностей был бы такой план, при котором богатство параллельно идущих и сплетающихся линий содержания и драматического развития оказалось бы в результате постановки оскудевшим. Вообразите, что в чудесной пятиголосной фуге исполнитель оставил бы только один голос, вычеркнув все остальные!

Ю. Завладский, поставивший «Чайку» в театре имени Моссовета, и художественный коллектив театра пошел по самому трудному, но единственно верному пути. Театр бережно, тщательно и вдумчиво стремится воспроизвести всю «полифоническую» ткань замечательной пьесы. Это — и пьеса, в которой, говоря словами самого Чехова, «пять пудов любви», волнующая переживаниями и сопоставлениями личностного чувства, и художественное раскрытие эстетических

Сцена из последнего акта спектакля «Чайка» в театре им. Моссовета.

мыслей, раздумий и сомнений автора, и социальная драма искусства и художников, бывших в безжалостных сетях враждебного истинному искусству общества. Ю. Завладский верно понял, каким должно быть сочетание красок, создающих трудно уловимое и глубокое и художественное единство «Чайки» Чехова.

Принципиально верный и плодотворный замысел Ю. Завладского нашел опору и отклик в большинстве исполнителей. Обязателен образ Нины Заречной, созданный молодой актрисой А. Касенкиной. В своем первом выступлении в этой роли артистка не только овладела охватывшим ее волнением, которое стужало некоторые детали и накладывало отпечаток монотонности на ее игру. Но уже в следующем исполнении Касенкина играла с полным художественным самообладанием, с четкой юмористической сменяющихся состояний. В создании ее образа подчеркнуты искренность, свежесть чувств, художественная восприимчивость, восторг перед тем, кто Нине кажется прекрасным. Менее выделен Касенкиной рост Заречной, как художника. В том, как Нина читает в первом и в последнем акте отрывок из пьесы Треплева, должен, быть может, больше сказаться пройденный ею некой страданий художественный путь. На сцене в саду роль читает Нина, а восторженная почитательница искусства, в последнем акте, в кабинете Треплева — художница, почувствовавшая единство искусства и жизни, законы, делающие искусство особым средством воздействия на жизнь.

Силой драматического выражения З. Маренка выходит в ряде сцен на первый план, ее Маша получает значение большее, чем то, которое отведено ей в пьесе. Мастерство исполнения Маренкой особенно сказывается в умении показать контраст между силой внутреннего чувства, созданной ею Машей и силой обращенной на самое себя иронии.

В упрек Маренкой можно поставить то, что, увлеченная силой чувств Машин к Треплеву и ощущением неудачливости, мечтательности судьбы героини, она иногда излишне настойчиво подчеркивает эти темы, как бы стремясь сделать веселыми и зрелищными все тона подтекста. Это придает ее исполнению некоторое однообразие.

Несколько отклоняется от основной тональности спектакля образ Аркадиной, исполняемый Т. Оганезовой. Прекрасная актриса, мастер богатого деталями, тщательно, но в отделе сценического движения и действия. Оганезова слишком подчеркнула в Аркадине фальшивые, наигранные черты актрисы, которая относится к и жизненным ситуациям, как к куском или цитатам из театральных ролей.

Серьезно и проникновенно играет Треплева М. Астасюк. Рассказ его о судьбе Нины Заречной и своих скитаниях (в последнем акте) — одно из лучших мест во всем спектакле. Жаль, однако, что Астасюгов не хватало для роли Треплева свежих, легких красок. В нем не хватает той порывистости и трепетности артистических нервов, которую ощущает в Треплеве Дорн.

Очень хорош Сорин — О. Абдулов. Образы Сорина и Дорна (Р. Плэтт) в спектакле — наиболее близки к лиризму и тонкой иронии чеховского замысла. Единственный упрек,

который можно сделать Плэтту, заключается в том, что превосходное по уму выдержанности и выразительной скупости исполнение роли кажется чуть-чуть жестковатым. В скептицизме, трезвом реализме и наблюдательности Дорна у Чехова чувствуется большое снисходительной благожелательности и больше потаенного лиризма, скрывающегося под маской иронии и насмешки. Безупречен исполняющий роль учителя В. Ванин. Смешная трогательность его отношения к Маше, униженность его общественного положения показаны Ваниным с редким тактом. Это — также один из исполнителей, наиболее близких к основному тону спектакля.

Роль Тригорина — одна из сложнейших в пьесе. Даже корифеи нашей сцены находили в ней трудности почти непреодолимые. Только частично удалось М. Названову, исполняющему роль Тригорина, справиться с этими трудностями. Безспорно, талантливый артист, обладающий редким сценическим обаянием Названов слишком буквально, слишком внешне понял самопризнание Тригорина, ссутуженного на собственную вилость, рыхлость чувств. В нем столько довольства самим собой, что его умные, трезвые и беспристрастные признания и серьезные, не лишние горечи размышления о трудностях жизни и работы художника, кажутся в его устах скорее рисовкой самолюбивого и избалованного артиста (какими их в своей наивности считает Нина), чем выражением действительного убеждения и опыта серьезного писателя.

Характерные и яркие фигуры, не расходящиеся с общим тоном спектакля, свободно и легко живущие в прекрасном ансамбле, созданы П. Герра (Шамраев) и А. Алексеева (Полтина Андреевна).

С тонким вкусом оформил постановку художник М. Виноградов.

Постановка «Чайки» Ю. Завладским — не просто новая удачная постановка одной из лучших пьес русской драматургии. Это — один из тех спектаклей, которые ставят перед работниками театра и перед зрителями насущные и серьезные вопросы искусства. В попытке решения этих вопросов театр стоит на правильном пути. Отдельные неровности не могут умалять значения большой и вдумчиво продуманной театральной работы.